

Нин Цзэ довольно усмехнулся. Он твердо решил: если Дуань Тяньсу вздумает где-то разболтать о его удаче, он просто скажет, что ему несказанно повезло, а остальным остается лишь завидовать.

Продав лекарственные травы за сто три лян и добавив к ним оставшиеся две сотни, Нин Цзэ почувствовал, что в кошельке снова прибавилось веса. Он был искренне благодарен управляющему Сюю: если бы тот не был человеком из Секты Цзюян, кто знает, удалось бы Нин Цзэ вообще сбыть эти травы. В знак признательности он купил управляющему два кувшина хорошего вина — достойный дар для такого щедрого покровителя.

По пути домой, еще издалека, он заметил, что у его дома собралась толпа. Похоже, люди пытались прорваться внутрь, но двое нанятых им крепких парней стояли на страже, словно грозные стражи, не пропуская никого. Вид этого неприступного бастиона очень порадовал Нин Цзэ.

Подойдя ближе, он окинул собравшихся равнодушным взглядом и, не спеша, с корзиной за спиной, направился к калитке. Заметив Чжан Гуйхуа, Дуань Тяньсу лишь поморщился — ему хотелось одним ударом вышвырнуть эту назойливую женщину прочь. Ее бесстыдство и глупость вызывали у него лишь раздражение.

Нин Цзэ вежливо поздоровался со старостой. Он прекрасно понимал, какую игру затеяла Чжан Гуйхуа: не иначе как притащила старосту, чтобы надавить на него. Староста выглядел крайне неловко, его обычно приветливое лицо выражало смущение, и он лишь невнятно буркнул что-то в ответ.

Нин Цзэ не придавал этому значения. Поздоровавшись, он прошел мимо, полностью проигнорировав Чжан Гуйхуа.

Та от ярости чуть не захлебнулась собственной желчью. С самого утра у нее все валилось из рук: стоило выйти из дома, как она тут же наступала в собачье дерьмо и спотыкалась на ровном месте. Весь путь до дома старосты, а затем и сюда превратился в сплошное мучение. Даже староста советовал ей вернуться домой, если ноги не держат, отчего у Чжан Гуйхуа от злости перехватило дыхание. Она была уверена, что с ногами у нее все в порядке, — просто какая-то чертовщина преследовала ее с самого утра!

— Ах ты, паршивец! А ну стой! Староста, вы видите? Эта неблагодарная тварь смеет игнорировать меня прямо у вас на глазах! Будь вы в стороне, он бы уже руки на меня распустил! Мои ноги — это его рук дело! — вопила она, заливаясь слезами, словно все было правдой.

Староста, продолжая смущенно смотреть на Нин Цзэ, не спешил обвинять его в неуважении. Он не видел, чтобы Нин Цзэ бил старуху, а значит, ее слова ничего не стоили. Тем более он прекрасно помнил, как та выгнала Лю Аньлэ с матерью из дома: сколько бы он ни умолял ее проявить милосердие, она оставалась непреклонна и даже клочка земли им не выделила. Такой злобы он не мог простить. Его беспокоило лишь одно: если парень действительно украл

деньги, то, зная характер Чжан Гуйхуа, дело добром не кончится.

— Аньлэ, внучек, мне нужно с тобой поговорить, понимаешь ли... — начал староста, глядя на двух здоровяков за спиной Нин Цзэ. Его, как главу деревни, не пугал их грозный вид.

— Дедушка Лю, прошу, проходите, — Нин Цзэ всегда был почтителен к старосте, который в прошлом не раз помогал им с матерью.

Увидев, что Нин Цзэ приглашает старосту внутрь, Чжан Гуйхуа вместе с какой-то женщиной, примерно ее возраста, бесцеремонно втиснулась во двор. Нин Цзэ лишь насмешливо улыбнулся, не пытаясь их остановить.

В гостиной Нин Цзэ велел тетушке Ли подать чай, продолжая демонстративно не замечать Чжан Гуйхуа и ее спутницу. Поскольку Лю Аньлэ не помнил эту женщину, Нин Цзэ тоже не знал, кто она такая, но по их перемигиваниям было ясно — они замышляют недоброе. Это была Чжао Шуанлянь, местная задира, под стать Чжан Гуйхуа. Обе они славились скверным характером, и деревенские старались обходить их стороной, что в итоге сблизило их, превратив в неразлучных сплетниц — двух ядовитых цветков деревни Юнъань.

Чжао Шуанлянь, с завистью оглядывая добротный дом, не упустила случая уколоть хозяина:

— Ой, поглядите-ка, какой домик отгрохал! Интересно, где это наш братец Лю разбогател? Рассказал бы и нам, а то мы все в неведении.

— А какое твое дело, где я взял деньги? Вон, соевый творог семьи Хэ продают аж в самой столице, чего ты к ним не пойдешь спрашивать, как они его делают? — лениво отозвался Нин Цзэ, сразу поняв, что это наемная помощница Чжан Гуйхуа.

— Ишь какой дерзкий! Неудивительно, что бабушка выставила тебя за дверь! Волчонок, сколько ни корми, все равно в лес смотрит. Если бы не она, семья Лю давно бы сгинула из-за твоей дурной ауры! — Чжао Шуанлянь пришла сюда с четкой целью: проучить этого наглеца. — И не говори, что твои деньги меня не касаются! Я своими глазами видела, как бабушка гналась за тобой, когда ты украл у нее деньги!

Ну надо же, ради клеветы даже лжесвидетеля притащили. Нин Цзэ не разозлился, а лишь рассмеялся.

— Староста, эта дрянь украла огромную сумму, это не шутки! Нужно немедленно отправить ее в родовой зал для наказания! — ядовито добавила Чжао.

Черт возьми, у этой женщины мозги совсем высохли? Или это Нин Цзэ чего-то не понимает в этом мире, где одного свидетеля достаточно для приговора? Интересно, чиновники тоже так дела вершат? Увидев, как староста нахмурился, Нин Цзэ лишь мысленно вздохнул.

— Вы не должны закрывать на это глаза! — не унималась Чжао.

Нин Цзэ едва сдержал смешок.

— Староста, а я вот видел, как она совершила убийство. Может, сначала заставим ее ответить за это? — Нин Цзэ кивнул, и двое здоровяков мгновенно подскочили к женщинам, подхватив их, словно кули с мусором.

— Выбросить их! — Нин Цзэ улыбнулся двум отчаянно брыкающимся дамам. Впервые видел, чтобы кто-то так рвался в дом, лишь для того, чтобы их оттуда вышвырнули. Парни справились с этим привычно и ловко.

Снаружи, лежа в пыли, Чжан Гуйхуа и Чжао Шуанлянь принялись истошно вопить и проклинать всех на свете. Староста, явно не одобряя действий Нин Цзэ, посмотрел на него с укором.

— Староста, вы считаете, что я поступил неправильно? — вздохнул Нин Цзэ. Староста промолчал.

Нин Цзэ лишь усмехнулся про себя. Таких, как Чжан Гуйхуа, нужно ставить на место жестко, чтобы у них не осталось иного пути, кроме как признать свое поражение. Он искренне не понимал, зачем быть с ней вежливым. Если бы на его месте был настоящий Лю Аньлэ, он бы давно вцепился ей в горло.

Он понимал желание старосты сохранить мир в деревне, но ради Чжан Ифан и ее сына он должен был высказаться.

— Дедушка-староста, когда Чжан Гуйхуа гнала нас с матерью, не оставляя ни шанса на выживание, вы судили ее в родовом зале? Нет. А теперь я говорю вам, что меня оболгали — вы поступите по правилам?

Нин Цзэ знал, что староста не решится. Он горько усмехнулся:

— Я понимаю, вы хотите мира в деревне. Из-за этого мы с матерью страдали десять лет, из-за этого она сейчас при смерти, а теперь, когда я ценой собственной жизни добыл нам право на нормальное существование, Чжан Гуйхуа снова хочет все отобрать.

Каждое слово Нин Цзэ, словно удар кнута, обнажало эгоизм старосты, который предпочитал не вмешиваться, лишь бы избежать хлопот. Для Нин Цзэ это были не просто слова, а две загубленные жизни. Настоящий Лю Аньлэ и Чжан Ифан погибли, так и не дождавшись справедливости. Теперь Нин Цзэ не просил ее — он собирался взять ее сам.

Взглянув на пристыженного старосту, Нин Цзэ искренне произнес:

— Я благодарен вам за заботу в прошлом. Вы дали нам крышу над головой, позволили выжить. Но эти годы были адом. В этот раз Чжан Гуйхуа снова использует силу, чтобы запугать нас. Я не отступлю и не стану заминать дело. Староста, вы можете пообещать мне, что не будете ни на чьей стороне?

Нин Цзэ не просил его вершить суд, он просил лишь не помогать тирану. Староста пошатнулся; его принципы, которыми он руководствовался долгие годы, внезапно стали для него тяжким грузом вины.

Выйдя со двора, староста посмотрел на чистое небо и пробормотал, словно обращаясь к самому себе:

— Чжан Гуйхуа, Чжан Гуйхуа... Люди делают, а Небо видит. Справедливость записана в книге судеб. Ты не боишься возмездия?

Чжан Гуйхуа и Чжао Шуанлянь, ковыляя прочь, лишь сплюнули, решив, что староста окончательно выжил из ума. Раз на него надежды нет, они придумают что-то другое. Они были уверены: раз парень не может объяснить, откуда у него деньги, значит, совесть его нечиста. Довольные своими кознями, они отправились восвояси, но не успели пройти и пары шагов, как Чжан Гуйхуа снова растянулась на земле, разбив нос.

На следующее утро в деревню прибыл отряд стражников. Чжан Гуйхуа подала жалобу, написанную Лю Вэньсянем — грамотно, с аргументами и лжесвидетелями. Чиновник, давно не видевший столь четкого дела, немедленно вызвал Нин Цзэ.

Стражники прибыли верхом, при полном параде, с мечами на поясах. Старший из них предложил Нин Цзэ подвезти его до уезда, но Дуань Тяньсу это не понравилось. Одной мысли о том, что Нин Цзэ будет сидеть на чужой лошади, было достаточно, чтобы ему захотелось разорвать это животное на части.

Он схватил Нин Цзэ за шиворот, не давая взобраться на коня. Нин Цзэ лишь закатил глаза: поведение Дуань Тяньсу напоминало ему древнего дракона, который охраняет свое сокровище. Случайность? В мире не бывает столько случайностей. Нин Цзэ решил подыграть.

Дуань Тяньсу, довольный покорностью Нин Цзэ, усадил его на своего черного коня, а сам сел позади, обхватив его и взяв поводья. Нин Цзэ оставалось лишь беспомощно вздохнуть, извиняющимся взглядом посмотрев на стражника, чью лошадь отобрали. Тот, впрочем, не возражал — лишь бы подозреваемый прибыл в уезд вовремя.

Когда они добрались до уезда Вэньань, Нин Цзэ слез с коня бледный как полотно — его, как оказалось, жутко укачивало. Чжан Гуйхуа, видя это, лишь усмехнулась, решив, что он струсил.

Нин Цзэ, собравшись с силами, выпрямился. Проходя мимо старухи, он лишь бросил на нее насмешливый взгляд, отчего та на мгновение застыла, встретившись с ледяным, пронизывающим взглядом Дуань Тяньсу. Этот взгляд, полный убийственного холода, заставил

сердце Чжан Гуйхуа сжаться от ужаса — она вцепилась в рукав Лю Вэньсяня, боясь, что сейчас упадет замертво.

Суд начался. Уездный судья У Цзиэнь, человек лет пятидесяти, известный своей честностью и трудолюбием, восседал на своем месте.

Чжан Гуйхуа тут же принялась рыдать, умоляя судью защитить ее от вора, который украл накопления всей ее жизни. Ее слезы вызвали сочувствие у толпы, которая уже наслушалась слухов.

— Тишина! — ударил судья по столу. — Нин Цзэ, признаешь ли ты, что украл сто лянов?

Нин Цзэ, спокойный и уверенный, ответил:

— Нет. И у меня есть встречная жалоба.

Он достал из-за пазухи документ. Судья, удивленный тем, что обвиняемый превратился в истца, взял бумагу. В ней было три пункта: незаконное изгнание матери и сына, нападение Лю Вэньсяня на больную женщину и систематические попытки Чжан Гуйхуа захватить их дом с помощью клеветы.

Судья У внимательно посмотрел на юношу, стоявшего перед ним, и мягко произнес:

— Рассказывай.

Нин Цзэ, позволив эмоциям отразиться на лице, тихим, дрожащим голосом поведал историю их с матерью страданий. Его слова, пропитанные искренней болью, заставили многих в зале прослезиться.

— Ты лжешь! — взвизгнула Чжан Гуйхуа, чувствуя, как почва уходит из-под ног.

Судья У, видя противоречия, отправил людей в деревню для проверки фактов. Толпа гудела, обсуждая неожиданный поворот. Чжан Гуйхуа впервые по-настоящему испугалась.

— Чжан Гуйхуа, я спрашиваю в последний раз: это правда? Если признаешься сейчас, наказание будет мягче, — прогремел судья.

Старуха, дрожа от страха, запричитала:

— Господин, я не виновата! Я правда потеряла деньги, а он купил дом, вот я и подумала...

— Привести свидетеля! — скомандовал судья.

В зал ввели Чжао Шуанлянь. Чжан Гуйхуа отчаянно подавала ей знаки, на что та лишь презрительно фыркнула: «Десять лянов за такой риск — да она просто жадина!»

— Чжао Шуанлянь, — голос судьи У прозвучал сухо и твердо. — В жалобе сказано, что ты лично видела, как Чжан Гуйхуа гналась за Лю Аньлэ, крича, что он вор. Это так?

<http://bllate.org/book/22533/2379819>